

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В современных условиях глобальной нестабильности вопрос о влиянии права на экономику приобретает особое значение. Достигнутый в середине прошлого века цивилизационный консенсус в отношении таких фундаментальных предпосылок устойчивости мировой системы, как безусловное признание достоинства личности и производных от него прав, обеспечиваемых посредством суверенного равенства государств, послужил целям утверждения права в качестве ключевого фактора глобализационных процессов. Именно глобализация права, воспринятого в контексте свободы, равенства, справедливости и сущностно отграниченного от закона (как государственно-властной формы выражения нормативности, которая может и не отвечать правовому качеству), дала не только мощный мировоззренческий импульс, но и конструктивно-прикладную основу для налаживания глобального экономического взаимодействия. При этом в условиях глобализации для бизнеса сформировались минимальные юридические гарантии защищенности экономических интересов и предсказуемости экономической политики, определяемой в русле демократического диалога. Идея примата права при всех сложностях и противоречиях в ее освоении явилась той фундаментальной гуманистической ценностью, приверженность которой, не обещая всеобщего благоденствия, создает условия для рационального балансирования интересов и позволяет удерживать мир от большой войны.

Представление о ведущей роли права как факторе глобальной экономической устойчивости ставится сегодня под сомнение. Либеральные трактовки права как нормативного выражения самоорганизации гражданского общества, служащего целям максимизации общего благосостояния, воспринимаются с настороженностью в условиях экономической

турбулентности, геополитической напряженности и дисфункций мультикультурализма. Суровость обстановки делает особенно требовательным запрос на дискреционно-аппаратную мощь государства, призванного, как это ожидается, скинуть ветхие одежды ночного сторожа и смирять общественную и транснациональную стихию ради безопасности национальных интересов, утверждения социальной справедливости и солидарности. Активная открытая силовая позиция государства, управляющего не в силу, а посредством права, может заявляться, как мы знаем, даже как некий предмет национальной гордости и свидетельство институциональной честности. Эта концепция приводится в противовес якобы декоративному формализму демократических процедур, которые в действительности, как утверждается, весьма далеки от реалий публичной политики.

К диффузии онтологического статуса права, содержательно вытесняемого при сохранении внешних формальных атрибутов иными, неправовыми регуляторными средствами, приводят различные обстоятельства, в том числе:

— неготовность формирования общих юридически обязывающих интерпретаций и развития эффективных, в том числе юрисдикционных, механизмов имплементации принципов международного права, в особенности находящихся в коллизионном соотношении, тенденциозные толкования и практики их реализации, когда экономика вновь приобретает характер концентрированного выражения политики;

— отнюдь не раритетное восприятие авторитарных методов руководства, определяющих природу немалого числа сложившихся политических режимов как наиболее предпочтительных, а не чрезвычайных, с позиции экономической эффективности;

— идеологические и политико-регулятивные процессы некоей фетишизации социального равенства, оправдывающего разрастание

перераспределительных механизмов государства и переложение социальных обязательств на институты бизнеса;

— коррелирующие с процессами культурного релятивизма тенденции бегства от свободы и рациональности в новую спасительную архаику в виде государственного популизма и попыток реставрации ортодоксальных ценностно-нормативных этических ценностей.

Взамен примата права утверждается примат права силы. Сила ли это давления или сопротивления — не столь важно. Обоснованием выступает некий условный морально-политический консенсус, не всегда готовый примириться с представлениями об абстрактном гуманизме.

Но сила как таковая лишена нормативности и не является ни ее предпосылкой, ни источником. Ценность силы — функциональный рефлекс ценности ее основания, преобразованного в конкретном реализационном акте. Политическая сила, не исходящая из правовой рациональности, неизбежно партикулярная и произвольная, неспособна служить применением всеобщего равного масштаба оценки. Напротив, она сама претендует на определение правильности такого масштаба и настаивает на избирательности как решающей предпосылке стабильности и эффективности. Очевидно, силовой субъективизм не может выступать долгосрочным и всеобщим приемлемым фактором экономической устойчивости. Свойственное отнюдь не только российскому контексту отстаивание необходимости концентрации силы для решения крупных социально-экономических задач в логически завершенном виде приводит не только к радикальному разрыву с ценностями правовой демократии, которая в данном случае отказывается в способности обеспечивать социально эффективный режим управления, но и к оправданию преимуществ диктатуры лица или учреждения.

Представление о том, что сложность обстановки может оправдывать отступления от основополагающих правовых принципов и введение неких специальных ограничительных регулятивных режимов ради сохранения

безопасности и эффективности, носит спекулятивно-ошибочный характер. Гарантии неприкосновенности собственности, предполагающие в том числе предсказуемые, разумно обоснованные, прозрачные и подконтрольные средства обеспечения ее перераспределения, являются стержневой основой правопорядка как такового. Собственность — экономический эквивалент свободы, признание которой служит условием формирования общей нормы поведения посредством политической демократии — и одновременно характеризует предел политической воли большинства, которая не может подрывать индивидуальную автономию. Когда суверенно-патриотический настрой, в общем демократии не противопоказанный, становится фактором взаимосвязи между распределением имущественных прав и стратегическими интересами государства, уместно помнить, что подлинное чувство любви к отечеству доступно лишь сердцу собственника.

Нельзя не учитывать, что современные условия экономико-политической нестабильности сами по себе являются во многом порождением возникшего на разных регулятивных и правоприменительных уровнях дефицита права, который, следовательно, нуждается в восполнении. Речь идет, в частности, о таких значимых для устойчивого развития экономики проявлениях дефицита права, как доктринальная и нормативная неразработанность мер имплементации концепции верховенства права в сфере горизонтальных отношений, в том числе в контексте развивающихся институтов общественного саморегулирования в экономике. Сюда относятся и различные проявления несбалансированности частных и публичных интересов: как произвольное государственное вмешательство в экономические свободы (вплоть до удручающего слияния власти и собственности, в том числе на основе обновленных вариантов теории хозяйственных органов государства), так и, напротив, отсутствие надлежащего обеспечения государством реализации хозяйствующими субъектами минимально необходимых требований экономического правопорядка, которые призваны согласовывать

экономические, социальные, экологические и иные интересы, связанные с конкретной экономической деятельностью. Отсутствие сложившейся концепции социальной ответственности бизнеса является еще одним дестабилизирующим фактором. Из-за него филантропическая риторика может приводить к весьма существенному перераспределению нормативных социальных обременений не в пользу бизнеса — при несоотнесимости таких обременений с существом предпринимательской деятельности и в отсутствие критериев, определяющих основания и пределы введения обременений. К этому можно добавить проблемы инклюзивного представительства предпринимательского сообщества в демократическом процессе, поскольку экономическое право все же не должно превращаться в право предпринимателей.

Можно говорить о наличии базового консенсуса в отношении таких составляющих концепции верховенства права, как законность, правовая определенность, запрет на произвол, доступ к правосудию, соблюдение прав человека, всеобщее равенство перед законом. Реализация этих требований может иметь специфику в конкретных исторических и социокультурных условиях применительно к определению приоритетов, институциональных средств и процедур, последовательности конкретных мер, направленных на их имплементацию. Но это вовсе не оправдывает снижение уровня самих требований.

Вопрос взаимоотношений власти и бизнеса является одним из злободневных и своего рода «проклятых» в российском политико-правовом контексте. Фигура свободного ответственного собственника как субъектная персонализация верховенства права еще только должна устояться в правовой системе и юридической этике. Обходными путями, вне последовательной и активной приверженности принципиально правовой парадигме этого не достичь. Традиционный образ сильного государства обманчиво сливается с созидательным хозяйством, тогда как публичная власть не создает ресурсов, а

лишь распределяет, более или менее умело, те блага, которые сформированы совокупными личными усилиями. И свободное общество, ставящее ценности права превыше мифического глобального величия или мещанской выгоды распределительных ожиданий, позволяет в конечном счете сложиться правопорядку, который, будучи ориентированным на юридический комфорт предпринимательства, укрепляет индивидуальную и социальную самооценку, и в материальной базе, необходимой для удовлетворения общих нужд.

С позиции верховенства права сама дихотомия «бизнес за счет государства» или «государство за счет бизнеса» является ложной. Призванное служить суверенно-политической формой организации гражданского общества, государство определяет институциональную среду экономической деятельности, субъекты которой в отношениях между собой и с властью равноправны, что исключает любые формы произвола, в том числе в виде неправовых привилегий.

Создание юридически комфортных условий для бизнеса в духе приверженности верховенству права предполагает формирование эффективной системы регулятивных и правоприменительных гарантий неприкосновенности собственности и одновременно системное связывание самих хозяйствующих субъектов требованиями, вытекающими из универсального характера примата права. К этим требованиям относятся обеспечение соблюдения прав человека, прозрачность и подотчетность, демократическое сотрудничество с социальными группами по вопросам хозяйственной деятельности, если и поскольку она затрагивает существенные жизненные интересы этих групп, недопустимость извлечения непропорциональной выгоды от использования ресурсов, относящихся по своей природе к общему достоянию и т. д. Создание таких условий — общее дело и приоритетная задача бизнеса и власти, а также всей системы российских институтов гражданского общества, осознание в котором личной меры коллективной ответственности за претворение в жизнь

верховенства права является решающим условием социального, экономического и политического благополучия.